

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2022), 93–107
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2022), 93–107
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-2-76-93–107

КУЛЬТ ЦАРЯ В ПРЕДЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХИ (ПО МОНЕТАМ АЛЕКСАНДРА III И ДИАДОХОВ)

А.С. Черкасова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: anastasiia_cherkasova95@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5605-9712

Аннотация. Статья посвящена репрезентации культа царя на монетах ряда правителей эпохи предэллинизма и эллинизма. Монета становится одним из главных средств пропаганды царского культа после того, как Александр Македонский на основе традиционных мотивов в чеканках Аминты III, Пердикки III и Филиппа II создал новый монетный тип, получивший широкое распространение в монетной типологии последующее время. Если во времена Александра существовал религиозный запрет на прижизненное изображение правителя на монетах, то диадохи окончательно преодолели его, расширив практику персидских сатрапов и ликийских династов. Образ Александра Великого стал ассоциироваться с портретом правящего в это время царя. Александр был увековечен эллинистическими правителями, и его изображения получили еще большее распространение чем при жизни. Диадохи превратили монету в яркое средство пропаганды культа правителя как харизматической личности и прославления его политических и военных достижений. Синкретизм образа царствующего правителя с Зевсом, Гераклом и другими героями и божествами, сопровождавшееся изображениями атрибутов божеств, получил широкое распространение в чеканках диадохов, которые изначально использовали почитаемый всеми образ Александра для легитимизации преемственности своей власти и подчеркивания ее божественного характера. Постепенно эллинистические правители заменили образ Александра на монетах своим собственным при сохранении общей иконографии. Однако впоследствии идеализированный стиль портрета правителя на монетах сменяет реалистичный стиль, что сделало еще более эффективной пропаганду культа царя и его успехов.

Ключевые слова: предэллинизм, эллинизм, монетная чеканка культ царя, Александр Македонский, диадохи.

Царский культ является важнейшей составляющей общественно-политической и идеологической жизни эллинистических государств. Начиная еще с XIX в.¹ интерес к проблеме истоков зарождения и эволюции культа обожествленного

Данные об авторе: Анастасия Сергеевна Черкасова – аспирант кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Reinach 1895.

и героизированного властителя не угасает до сих пор². Многогранность темы предопределила появление большого количества работ, освещающих различные стороны этого интересного и, безусловно, важного явления³. Исследователи в основном акцентируют внимание на истоках возникновения культа конкретных эллинистических правителей⁴. Особое внимание уделяется эпохе Александра Македонского, при котором оформляется царский культ, получивший дальнейшее развитие в эллинистических монархиях⁵.

Культ обожествленного и героизированного властителя рассматривается исследователями в контексте эллинистической эпохи применительно к тем или иным правящим династиям и регионам, с привлечением обширного эпиграфического и нумизматического материала. Задачей настоящей статьи является обобщение имеющихся данных и анализ на их основе нумизматического материала, отражающего царский культ⁶. Работы по искусству эпохи эллинизма также содержат важные выводы и наблюдения, без которых проблемы царского культа того времени не могут быть целиком исследованы⁷.

Понятие «царский культ» многопланово. Д. Битэм полагает, что легитимность того или иного политического режима основывается на следующих принципах: 1) соответствие власти принятым или установленным в обществе правилам; 2) убеждения или верования, оправдывающие данные правила, которые разделяют как подданные, так и власти; 3) согласие подданных на существующие порядки и отношение к власти. В эллинистическом обществе первые две из вышперечисленных основ всегда аморфны, так как они не были кодифицированы в законах и религиозных канонах⁸. В силу этого важное значение имело согласие подданных, проявлявшееся в виде публичных действий, которые декларативно или символически были направлены на поддержку существующей власти. В период эллинизма такими действиями считалось отправление культа правителя. В этом проявилась характерная для этого времени своеобразная «театрализация» действительности – форма властных отношений разыгрывалась в ритуалах царского культа. Ни для кого не имело значения, кто выступал в качестве инициатора почестей. Монархи, полисы и частные лица стремились изобразить царскую власть в удобном для себя и общества свете⁹.

Культ обожествленного и героизированного правителя, безусловно, занимал важное место в политической жизни и идеологии эллинистических государств. Он представлял собой неотъемлемую составляющую так называемой «царской пропаганды», направленной на идеологическое обеспечение господства династии на захваченных или приобретенных путем наследования землях. «Главной зада-

² Сапрыкин 2016, 5, 380.

³ Сапрыкин 1996, 2009, 2016, 2019; Фролов 2016; Климов 2010, 2016; Ладынин 2001, 2016; Обухов 2016; Смирнов 2016; Немировский 2016; Кузьмин 2016; Журавлева 2009; Нефедов 2014; Хазина, Басов 2017; Ergiyas 2006; Chaniotis 2011; Panagiotis 2011; Lorber 2011; Hoover 2011; Nuffelen 2011.

⁴ Абрамзон 1995, 119–121; Сапрыкин, 1996, 2009, 2016; Климов 2010, 2016; Фролов 2016; Суриков 2016; Евдокимов 2016; Кузьмин 2016; Ладынин 2001, 2016; Рунг 2016; Ergiyas 2006; Garrison 2011; Gitler 2011.

⁵ Абрамзон 1995, 201–302; Ладынин 2001, 2016; Холод 2016.

⁶ Imhoof-Blumer 1885; Seltman 1933; Price 1991; Mørholm 1991; Thonemann 2016.

⁷ Pollitt 1986; Smith 1991; Steward 2014.

⁸ Beetham 1991, 18.

⁹ Нефедов 2014, 254–255.

чей, – пишет С.Ю. Сапрыкин, было внушить подданным и союзникам <...> что во главе его стоит правитель, равный богу, власть которого неоспоримо наследственная и освящена божественными покровителями». Путем создания «образа сильного и волевого повелителя, способного повести за собой подданных», «спасителя подданных и победителя врагов, озаренного светом божественного солнца <...> избавителя от мрака и зла» царский культ способствовал их сплочению вокруг правящего монарха и тем самым обеспечивал и поддерживал целостность государства¹⁰. Таким образом, исследователь приходит к выводу, что «обожествление царей и использование для этой цели царских культов <...> было исключительно политическим делом и диктовалось военно-политическими задачами»¹¹.

В общественно-политической и идеологической жизни государств Восточного Средиземноморья культ правителей представляет особенно своеобразное явление. Предпосылки его формирования сложились «как на Востоке, так и в греческом мире в результате длительных изменений в обществе, в политической и духовной жизни»¹². При этом представления о божественности царей, их богоподобности на эллинистическом Востоке были в большей степени окрашены в греко-македонские тона, чем имели корни в местной переднеазиатской почве¹³. О.Ю. Климов отмечает тесную связь культа царей с широко распространившимся в эллинистическую эпоху представлением «о царской власти и царской личности как воплощении высшей справедливости, защиты, божественной силы и благодати». Религиозное почитание царей как форма массовой идеологии эллинистического времени отражала представление рядового человека об идеальном правителе, обладающем высочайшим нравственным статусом. Власть же возлагала надежды на справедливый и благой характер деятельности царей¹⁴.

Царский культ в эллинистическую эпоху не был связан с прямым обожествлением власти или ее носителя, а являлся культом личности монарха, чтобы обеспечить ему персональную легитимность. «Богоравное почитание, используя символику ритуала, создавало видимость соответствия правителя греческому идеалу истинного царя, что позволяло компенсировать слабость нормативных основ эллинистического единовластия»¹⁵. Получение богоравных почестей, подтверждающих неоспоримое превосходство правителя над остальными людьми, приравнивало его к идеальным царям-героям прошлого. Он становился равным современным ему властителям, представ перед ними в образе благодетеля и защитника подданных. Он «всегда обретал как бы моральное право на трон вне зависимости от того, обладал ли он на этот момент законной царской властью»¹⁶. Это был один из способов, с помощью которого цари связывали себя с божественной силой. Важно отметить, что эллинистические правители – объект царского культа – в действительности не считались богами¹⁷. Получение богоравных почестей и даже наименование царя богом – это не более чем ритуально-символи-

¹⁰ Сапрыкин 2009, 266.

¹¹ Сапрыкин 2016, 440.

¹² Климов 2010, 304–305.

¹³ Ладынин 2016, 191–229; Немировский 2016, 329–352.

¹⁴ Климов 2010, 306–307.

¹⁵ Нефедов 2014, 239–255.

¹⁶ Нефедов 2014, 247–248.

¹⁷ Schubart 1937, 18–20; Nilsson 1961, 140–141; Нефедов 2014, 243–246.

ческий акт, означавший, что царь существует «как бог», но он не «есть бог». Сила и могущество могли уподобить его богам, но это не меняло смертную природу правителя¹⁸. В то же время культ царя или правителя выступает в качестве важного средства укрепления его престижа и авторитета личности. Он давал возможность подданным приравнять каждого из царей к великим предшественникам, древним героям, представлять их в образе царей-благодетелей. Создание этого идеализированного образа во многом способствовало поддержанию целостности государства и облегчало осуществлять управление.

Монеты выступают одним из самых ярких свидетельств, проявлений и средств пропаганды царского культа. Нередко они дают представление о тех фактах и культурных особенностях, которые не получают отражение в письменных и эпиграфических источниках¹⁹. Первые портретные изображения правителей на монетах появились в Персии²⁰. В Греции монеты с портретными изображениями появились только в IV в. до н.э. (например, в электроной чеканке Кизика). С появлением эллинистических монархий чеканка монет превратилась в яркое средство пропаганды культа царствующего правителя, его политического курса и прославления его достижений²¹. Также использование монет постепенно стало одним из репрезентативных средств обожествления власти правителя. Портреты царей и изображения богов-покровителей царей и их подданных получили определенную политическую и религиозную окраску.

Эту тенденцию особенно ярко демонстрируют македонские монеты с изображением головы Геракла на аверсе и сидящим Зевсом на реверсе (рис. 1, 1), введенные Александром III. Изображение на них головы Геракла в шкуре немейского льва и сидящего Зевса Этафора с орлом и скипетром в руках в сопровождении легенды с именем Александра было тщательно продуманным решением. Этот образ позволял сочетать идею преемственности греко-македонской власти с персидским правлением и традиционным эллинским благочестием²². Как греко-македонский завоеватель и как преемник Ахеменидов, Александр блестяще использовал культовые изображения Геракла и Зевса²³. Эти сюжеты должны были в равной степени апеллировать как к грекам, так и к варварам, чтобы каждый покоренный народ увидел в правителе бога²⁴.

Эти мотивы изображений не были новыми в македонской монетной типологии. Прежние цари Македонии, например, Аминта III, Пердикка III и Филипп II уже помещали на аверс своих монет голову Геракла (рис. 1, 2), поскольку члены македонского царского дома претендовали на свое происхождение от этого героя (Herod. XIII. 137–138; Thuc. II. 99). Геракл считался первым смертным, получившим богоравный почет (Hom. Od. XI. 302–304, 601–603; Paus. VIII. 2. 4–5), и рассматривался в греко-македонском мире как идеальная модель царя, прообраз истинного правителя, а впоследствии стал прародителем и основателем многих

¹⁸ Chaniotis 2011, 180–183.

¹⁹ Сапрыкин 2011; 2016.

²⁰ Imhoof-Blumer 1885, 4.

²¹ Pollitt 1986, 25–26.

²² Thonemann 2015, 13; Smith 1991, 204–205.

²³ Briant 2002, 817–871.

²⁴ Seltman 1933, 205; Pollitt 1986, 25–26; Thonemann 2015, 12–13.

Рис. 1. 1 – тетрадрахма Александра III. Тарс, ок. 333–332 гг. до н.э. (по: Thonemann 2016, 13, 1.11); 2 – дидрахма Филиппа II. Пелла, ок. 342–336 гг. до н.э. (по: Thonemann 2016, 10, 1.6); 3 – тетрадрахма Филиппа II, ок. 340–315 гг. до н.э. (Британский музей. Официальный сайт); 4 – тетрадрахма Александра III, ок. 334–327 гг. до н.э. (по: Монетник.ру.); 5 – тетрадрахма Александра III. Александрия, 325 г. до н.э. (по: Pollitt 1986, 25, 13 a); 6 – тетрадрахма Лисимаха (306/5–281 гг. до н.э.) (Британский музей. Официальный сайт); 7 – тетрадрахма Птолея I, ок. 319–311 гг. до н.э. (по: Thonemann 2016, 20, 1.19); 8 – тетрадрахма Птолея I, ок. 311–294 гг. до н.э. (по: Thonemann 2016, 20, 1.20); 9 – тетрадрахма Птолея I, ок. 311–294 гг. до н.э. (по: Pollitt 1986, 27, 15).

Fig. 1. 1 – tetradrachm of Alexander III. Tarsus, ca. 333–332 BC (After: Thonemann 2016, 13, 1.11); 2 – didrachm of Philip II. Pella, ca. 342–336 BC (After: Thonemann 2016, 10, 1.6); 3 – tetradrachm of Philip II. Ca. 340–315 BC (British Museum. Official site); 4 – tetradrachm of Alexander III, ca. 334–327 BC (Monetnik.ru); 5 – tetradrachm of Alexander III. Alexandria, 325 BC (After: Pollitt 1986, 25, 13a); 6 – tetradrachm of Lysimachus (ca. 306/5–281 BC) (British Museum. Official site); 7 – tetradrachm of Ptolemy I, ca. 319–311 BC (After: Thonemann 2016, 20, 1.19); 8 – tetradrachm Ptolemy I, ca. 311–294 BC (After: Thonemann 2016, 20, 1.20); 9 – tetradrachm of Ptolemy I, ca. 311–294 BC (After: Pollitt 1986, 27, 15).

эллинистических царских династий. По этой причине приравнивание к нему всегда означало легитимацию претензий на царскую власть²⁵.

Филипп II помещал на аверс своих монет изображение головы Зевса (рис. 1, 3), подчеркивая этим родственную близость покровительствовавшего ему верховного бога древнегреческого пантеона. Нельзя не отметить некоторое сходство изображений на монетах с сохранившимися портретами македонского царя, что, безусловно, имело под собой политические основания²⁶. Изображение на обратной стороне монет всадника в сопровождении имени царя прямо намекало на самого Филиппа II и его военные успехи²⁷.

Вступивший на престол Александр III продолжил политику Филиппа II для укрепления своих позиций и стабилизации ситуации на подвластных территориях. Чеканка монеты велась без перерывов и каких-либо существенных изменений²⁸. Некоторые исследователи полагают, что в первые годы правления Александр III чеканил монеты от имени своего отца²⁹. Феномен «посмертной» чеканки впоследствии стал очень распространенным в эллинистическом мире. Такие «посмертные» выпуски служили разным целям. Для нового правителя они были способом обозначить династическую преемственность с популярным предшественником.

Около 334 г. до н.э. Александр ввел новую золотую и серебряную чеканку от своего имени наряду с «посмертными» золотыми статерами Филиппа, которые чеканились в Македонии вплоть до 315 г. до н.э.³⁰. Интересно проследить, как по мере развития карьеры Александра первоначальные довольно условные мотивы царской пропаганды развивались в дальнейшем и приобретали все более широкие и конкретные формы. В этом развитии наблюдаются два этапа³¹. На первом этапе, при господстве традиционной символики, Геракл рассматривался как прообраз Александра – героя-победителя, как его предок, деяния и доблесть которого покорили варварские силы и принесли славу греческой культуре, Македонии, воплощением чего был сам герой. Именно благодаря этому герою македонская царская династия имела основания утверждать, что она может претендовать на истинно греческое происхождение. А это было особенно важно в начале правления Александра, когда его положение было несколько неустойчивым³². Выбор героя-воина подходил и для чеканки военного характера. Это представляет разновидность символизма: Александр, подобно молодому Гераклу, принимал на себя роль лидера и объединял греков и македонян в единую силу для героического действия – разгромить Персидскую империю³³.

В идеологии Македонского царства Зевс выступает как легендарный предок Гераклидов. Он считался не только главным мифологическим основателем македонской династии, но арбитром и судьей при совершении ее представителями героических деяний. Зевс олицетворял собой верховную власть и вполне подходил

²⁵ Нефедов 2014, 246–247.

²⁶ Thonemann 2015, 9–10.

²⁷ Seltman 1933, 199–200.

²⁸ Price 1991, 28.

²⁹ Thonemann 2015, 10–11.

³⁰ Le Rider 1993, 491–500.

³¹ Pollitt 1986, 25–26.

³² Ellis 1971, 15–24.

³³ Pollitt 1986, 25–26; Price 1991, 29–31; Stewart 1993, 158–161.

для обожествления династии. Использование сидящей фигуры Зевса с орлом в правой руке и скипетром в левой (рис. 1, 4), а не просто его головы, как на монетах Филиппа, напомнило грекам его всемогущие функции, включая его великий культовый образ, созданный Фидием в Олимпии. Отсюда монетная типология Александра, несомненно, была тесно связана с политическими идеями того времени³⁴. В отличие от отца, который выпускал монеты только со своим именем, Александр чеканит монеты с царским титулом и именем ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ, что было необычным для греков. Этим Александр, подобно Зевсу, подчеркивает свою неограниченную власть. Сам титул ΒΑΣΙΛΕΥΣ, появление которого на большинстве монет Александра относится к 325–323 гг. до н.э.³⁵, подчеркивал суть его завоевательной политики. Как отмечает М. Прайс, с течением времени использование этой титулатуры или названия в монетной чеканке стало довольно распространенной, хотя не обязательной практикой³⁶. С 306 г. до н.э. базилевсами стали называть всех эллинистических правителей.

Посмертные выпуски Александра типа «Геракл/Зевс» были связаны с идеологической концепцией, разработанной после завоевания им Персидской империи и посещения оракула в оазисе Сива. М.М. Холод полагает, что установление культа Александра необходимо отнести ко времени его правления³⁷. Именно тогда была сформулирована идея рассматривать царя как бога. Она выражалась не просто в том, что Александр являлся потомком Геракла, но он сам выступает как Геракл, живой сын Зевса, чьи героические труды, подобно труду Геракла, привели к его превращению в бога³⁸. Идея о том, что великий македонский завоеватель был сыном Зевса, получила отражение на монетах, выпущенных монетным двором Александрии около 325 г. до н.э. (рис. 1, 5)³⁹. Изображение Геракла в данном случае приобрело больше портретных черт самого Александра – выпуклый лоб, узкий рот с пухлыми губами, устремленный взгляд: традиции несколько идеализированного образа Александра, созданные тремя выдающимися мастерами – Лисиппом, Пирготелем и Апеллесом, нашли отражение в иконографии на монетах. Это была попытка царя занять место греческого героя-полубога⁴⁰. Не вызывает сомнения, что подобные изображения царя в скульптуре, живописи, глиптике, монетном искусстве были задуманы как официальные портреты Александра. Они стоят в начале длинной и великолепной серии эллинистических портретов на царских монетах.

Царские образы в эллинистическом мире были не только призваны привлекать внимание подданных, но и стать интернациональными по духу. Наилучшим образом этот тренд представлен в эллинистических чеканках. Образ Александра был увековечен эллинистическими царями и правителями, получив еще большее распространение чем при жизни царя. Основной причиной стало то, что Александр воплощал своего рода архетип божественного правителя-героя, в облике

³⁴ Pollitt 1986, 25–26; Price 1991, 29–31; Stewart 1993, 158–161; Thonemann 2015, 3–42.

³⁵ Price 1991, 32.

³⁶ Price 1991, 33.

³⁷ Холод 2016, 245.

³⁸ Pollitt 1986, 26.

³⁹ Pollitt 1986, 26.

⁴⁰ Pollitt 1986, 25–27.

которого цари эпохи эллинизма стремились представить и себя, и, будучи непобедимым завоевателем, позволял легитимизировать династии, следующие за ним.

При этом определить, где изображен Геракл, а где сам идеализированный Александр в образе героя и с его атрибутикой, достаточно сложно. Отсюда некоторые исследователи выдвигают гипотезу, что образ Геракла предназначался для маскировки портрета царя⁴¹. Однако нет оснований полагать, что Александр намеревался это сделать еще в самом начале чеканки. Во времена Александра еще не существовало традиции использования прижизненных портретов на монетах царского чекана для религиозной и идеологической пропаганды. И хотя в Египте Александр следовал практике персидских сатрапов, это не является доказательством того, что он мог замаскировать таким образом свой портрет на монетах как в Македонии, так и в восточной части его империи⁴².

Нельзя точно сказать, когда голова Геракла стала ассоциироваться с образом Александра⁴³. Однако не вызывает сомнений, что последующие поколения воспринимали ее как портрет великого македонского завоевателя. Идея помещения портрета правителя на царских выпусках была осуществлена диадохами, которые расширили практику персидских сатрапов и ликийских династов. Когда же это вошло в моду, изображение головы Александра стало интерпретироваться как образ правящего в данный момент царя.

Появляются монетные типы, сочетающие в себе элементы старых и новых традиций монетной типологии: так, на лицевой стороне по-прежнему изображалась голова Геракла, а на оборотной – Александр III в колеснице, запряженной четырьмя слонами⁴⁴. В посмертной чеканке Александра этот сюжет представлен на реверсе золотых монет Птолемея I⁴⁵. На ряде монет кроме образа самого Геракла изображены его атрибуты, например, палица.

Монеты с портретом Александра вытеснили большую часть прочих монет и явились началом традиции изображения повелителя в образе идеального властителя. Новые цари – диадохи – помещали имя Александра на монетах для усиления своих позиций, особенно после того, когда они становились басилевсами. Сам Александр унаследовал царский титул от персидских царей, отсюда помещение его на монетах вошло в практику. Сначала казалось, что на монетах сохранился и образ Александра, так как новые правители требовали от резчиков, чтобы профили их на монетах имитировали иконографию образа обожествленного предшественника, а Птолемей I Сотер на монетах с собственным портретом разместил даже имя «Александр». Впоследствии от портретного сходства с Александром диадохи постепенно отказались. Но единая весовая монетная система теперь функционировала на огромном пространстве от Греции до Индии⁴⁶.

Изначально диадохи максимально копировали иконографию монет Александра. Одним из первых и лучших из всех посмертных изображений последнего

⁴¹ Bieber 1949, 373–426; Palagia 1986, 137–151; Gebauer 1939, 2–18; Cahn 1975, 118–119; Hölscher 1971, 46–47; Schwarzenberg 1976, 275–276; Pollitt 1986, 25.

⁴² Stewart 1993, 158–159; Price 1991, 33; Bellinger 1963, 13–21; Göbl 1978, 648–650, 655, 657–659; Thompson 1982, 119; Smith 1988, 12, 59; Mørkholm 1991, 52.

⁴³ Pollitt 1986, 26; Price 1991, 33.

⁴⁴ Pollitt 1986, 25–27.

⁴⁵ Price 1991, 34.

⁴⁶ Pollitt 1986, 26–28; Thonemann 2016, 3–42.

является портрет Александра с непокрытой головой, украшенной диадемой и рогами Зевса-Аммона (рис. 1, 6), на статерах и тетрадрахмах Лисимаха, принявшего титул царя в 306/305 г. до н.э.⁴⁷ С этого момента данный монетный тип монет стал доминировать в его чеканке. Акцент в иконографии был явно сделан на связь с божественным Александром, сыном Зевса-Аммона. Образ царя-героя идеализирован, но в то же время он имеет портретные черты Лисимаха. Последний же, как и другие диадохи, стремился выступать инкарнацией Александра как «Великого Царя», следовательно, представлял образ последнего на монетах в качестве политического предка и божества-покровителя, чтобы подчеркнуть преемственность власти и право владеть Фракией. Это было реминисценцией на тему знаменитого визита Александра к оракулу Аммона в оазисе Сива в 331 г. до н.э., устами которого бог приветствовал великого македонского завоевателя словами: «Мой сын...». Существует версия, что изображение Александра было заимствовано из глиптики – с шедевра Пирготеля. В значительной степени импозантность этой чеканки обеспечена большим разнообразием художественных вариаций: каждый резчик создавал свой характерный портрет величайшего в мире завоевателя⁴⁸. На реверсе представлена Афина на троне, с копьем и щитом, украшенным головой льва (символ Лисимаха), прислоненным к трону; крылатая Ника, богиня-покровительница царя, в ее правой руке возлагает венок на начальную букву имени Лисимаха. Изображение сопровождала легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ. В качестве дополнительных элементов монетного типа фигурируют факел и культовые атрибуты. Следует отметить, что этот иконографический тип оказал большое влияние на последующие выпуски монет и чеканку эллинистических правителей⁴⁹.

Эллинистические царские монеты являются важным источником, позволяющим проследить изменение идеологии царской власти в эллинистический период. Несмотря на бесчисленное разнообразие деталей (рога Аммона, диадемы, головные уборы, мужские и женские божества, стоящие и сидящие), каждый новый сюжет является вариацией оригинального типа царской монеты Александра⁵⁰.

Около 319 г. до н.э. Птолемей I, продолжая выпускать монеты с портретом Александра как инкарнации Геракла с целью легитимизировать свою власть и представления себя преемником великого македонского завоевателя, ввел новую серебряную тетрадрахму аттического стандарта⁵¹ (рис. 1, 7). Эти тетрадрахмы традиционного александровского типа несли на реверсе изображение Зевса/Баала на троне и легенду ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ. Новые монеты Птолемея несли на аверсе образ самого Александра, а не Геракла, с рогами Зевса-Аммона, что указывало на происхождение македонского царя, а также изящным шлемом в виде скальпа слона и эгидой на шее. Этот шлем также имел сложные политические ассоциации, вызывая в памяти поход Александра в Индию и его победу над царем Пором. Позднее этот образ использовали и другие эллинистические правители. Тем не менее этот вариант не может претендовать на реальное портретное сходство и воплощает образ героя со знаками царского достоинства и божественного про-

⁴⁷ Pollitt 1986, 25–27; Seltman 1933, 220–221; Price 1991, 197–198.

⁴⁸ Pollitt 1986, 26.

⁴⁹ Pollitt 1986, 25–27; Thonemann 2016, 20–21.

⁵⁰ Thonemann 2016, 22–23.

⁵¹ Thonemann 2016, 19–28; Lorber 2005, 45–64; 2012, 211–214; von Reden 2007, 33–43.

исхождения⁵². Скальп слона также имел связи с Африкой и правящей династией. Часть богатства Птолемеев произошла от эксплуатации африканской слоновой кости, а сами цари подобно Александру использовали африканских слонов для войны. Современные исследователи видят также в этом символическое значение слона в сочетании с вечностью и обожествлением⁵³.

Около 311 г. до н.э. Птолемей заменил тип сидящего Зевса/Баала на реверсе тетрадрахм изображением Афины Алкидемос («защитницы народа»), идущей вправо, державшей щит и размахивавшей копьем, с именем Александра перед ней (ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ) и знаком самого Птолемея – орлом⁵⁴ (рис. 1, 8). Данный тип воплощал идею того, что Александрия стала преемницей не только власти Александра, но и всего культурного наследия классических Афин. Однако в это время образ Александра становится более мягким и почти деперсонифицированным: теперь обожествленный монарх окончательно покидает земную реальность, и на монетах его божественные качества умножаются соответственно⁵⁵. Примечательно также, что на некоторых монетах имя ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ сменяет ΑΛΕΞΑΝΔΡΙΩΝ – (чекан) Александрии.

Впоследствии Птолемей чеканит новую серию тетрадрахм (рис. 1, 9), представляющего Александра в качестве покровителя Египта и пропагандирующую естественную преемственность Птолемея. Связь Александра с Египтом, благодаря его посещению храма Зевса-Аммона и основанию Александрии, была уже сильной в течение его жизни, и тот факт, что он был похоронен в Египте, был призван придать этой ассоциации особенный духовный характер. Птолемеи имели право претендовать на утверждение, что наследие Александра естественно попало в их руки.

Когда в 305 г. до н.э. Птолемей принял титул царя и начал выпускать серию монет с собственным портретом, с развивающимися как у Александра волосами, связанными царской диадемой, образ самого великого македонского завоевателя продолжал пользоваться традиционным почитанием. Например, на специальной серии золотых статеров (с головой Птолемея на лицевой стороне) на реверсе представлен Александр в квадриге со слонами. Этот сюжет был призван указать на великие фестивали, проводившиеся в Александрии⁵⁶.

Итак, прижизненные портреты правителей появились на монетах только в IV в. до н.э., после того как был преодолен религиозный запрет на изображение смертных при жизни. Важную роль сыграла идеология Александра Македонского, который ввел новый монетный тип, использовавший в течение последующих веков. Слияние образа царствующего правителя с Гераклом и другими героями и божествами, нередко сопровождавшегося божественными атрибутами, получило широкое распространение в монетной типологии диадохов, которые первоначально использовали культовый образ Александра для легитимации преемственности своей власти и ее божественного характера. Эллинистические правители заменили портрет Александра собственным образом при сохранении общей иконографии.

⁵² Imhoof-Blumer 1885, 5.

⁵³ Price 1991, 34.

⁵⁴ Pollitt 1986, 25–27; Thonemann 2016, 19–21.

⁵⁵ Трофимова 2012, 320.

⁵⁶ Price 1991, 34; Pollitt 1986, 26–28.

Их портреты были идеализированы и сопровождались атрибутами божеств, однако впоследствии на смену идеализированным образам пришли больший реализм и индивидуализм, что сделало более эффективным пропаганду культа правителя, популяризации его политических и военных успехов.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г. 1995: *Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи*. М.
- Байбаков, Е.И. 1914: *Происхождение эллинистического культа царей*. Харьков.
- Журавлева, Н.В. 2009: *Царский культ в государстве Селевкидов (от Селевка до Антиоха III)*. Дисс.... канд. ист. наук. М.
- Климов, О.Ю. 2010: *Пергамское царство: Проблемы политической истории и государственного устройства*. СПб.
- Ладынин, И.А. 2001: Прижизненный царский культ Александра Великого: к проблеме соотношения египетских и греческих компонентов. В сб.: *Древний Восток: Общность и своеобразие культурных традиций*. М., 200–225.
- Нефедов, К.Ю. 2014: Культ правителя и царская власть в эпоху эллинизма. В сб.: А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства*. М., 239–257.
- Нефедов, К.Ю. 2009: Культ правителя и коронация диадохов. В сб.: А.В. Махлаюк (ред.), *Из истории античного общества*. 12. Нижний Новгород, 92–123.
- Сапрыкин, С.Ю. 1996: *Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье*. М.
- Сапрыкин, С.Ю. 2009: *Религия и культы Понта эллинистического и римского времени*. М.–Тула.
- Сапрыкин, С.Ю. 2016: Культ царя и царские культы в Понте и на Боспоре. В сб.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.), *«Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире*. М.–СПб., 380–450.
- Сапрыкин, С.Ю. 2019: Митридат Пергамский – известный и неизвестный правитель. *ВДИ* 2, 280–306.
- Сапрыкин, С.Ю. 2016: Монеты типа «Артемиды/олень» боспорского чекана митридатского времени. *ПИФК* 4, 249–265.
- Сапрыкин, С.Ю. 2017: Эллинизм в Причерноморье. *БИ* 35, 126–167.
- Тарн, В. 1949: *Эллинистическая цивилизация*. М.
- Трофимова, А.А. 2012: *Imitatio Alexandri: Портреты Александра Македонского и мифологические образы в искусстве эпохи эллинизма*. СПб.
- Ханиотис, А. 2005: Театральность вне театра. «Постановка» общественной жизни в эллинистическом мире. *Antiquitas aeterna* 1, 155–190.
- Холод, М.М. 2016: Обожествление Александра Великого в греческих городах Малой Азии. В сб.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.), *«Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире*. М.- СПб., 230–264.
- Шифман, И.Ш. 1988: *Александр Македонский*. Л.
- Шофман, А.С. 1976: *Восточная политика Александра Македонского*. К.
- Badian, E. 1996: Alexander the Great between Two Thrones and Heaven: Variations on an Old Theme. In *Subject and Ruler: The Cult of Ruling Power in Classical Antiquity (Journal of Roman Archaeology Supplementary Series 17)*, 11–26.
- Bellinger, A.R. 1963: *Essays on the Coinage of Alexander the Great*. New York.
- Beetham, D. 1991: *The Legitimation of Power*. London.

- Bieber, M. The Portraits of Alexander the Great. In *Proceedings of the American Philosophical Society* 93, 5, 373–421, 423–427.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake, Indiana.
- Burcu Erciyas, D. 2006: *Wealth, Aristocracy and Royal Propaganda under the Hellenistic Kingdom of the Mithridatids in the Central Black Sea Region of Turkey* 12. Leiden–Boston.
- Cahn, H. 1949: *Frühhellenistische Münzkunst*. Basel.
- Davis, N., Kraay, C.M. 1973: *The Hellenistic kingdoms: portrait coins and history*. London.
- Göbl, R. 1978: *Antike Numismatik*. Munich.
- Hölscher, T. 1971: *Ideal und Wirklichkeit in den Bildnissen Alexanders des Großen*. Heidelberg.
- Imhoof-Blumer, F. 1885: *Porträtköpfe auf antiken Münzen hellenischer und hellenisierter Völker*. Leipzig.
- Kroll, J.H. The Emergence of Ruler Portraiture on Early Hellenistic Coins: The Importance of Being Divine. In P. Schultz, R. von den Hoff (eds.), *Early Hellenistic Portraiture: Image, Style, Context*. Cambridge, 113–122.
- Le Rider, G. 2007: *Alexander the Great: Coinage, Finances, and Policy*. Philadelphia.
- Le Rider, G. 1993: Les deux monnaies macédoniennes des années 323–294/290. In *Bulletin de correspondance hellénique* 117, 491–500.
- Lorber, C.C. 2012: The coinage of the Ptolemies. In W.E. Metcalf (ed.), *The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage*. Oxford, 211–234.
- Lorber, C.C. 2005: A revised chronology for the coinage of Ptolemy I. *Numismatic Chronicle* 165, 45–64.
- Mørkholm, O. 1991: *Early Hellenistic Coinage. From the accession of Alexander to the peace of Apamea (336-188 B.C.)*. Cambridge.
- Nilsson, M.P. 1961: *Geschichte der griechischen Religion*. Bd. 2. *Die hellenistische und römische Zeit*. München.
- Palagia, O. 1986: Imitation of Herakles in Ruler Portraiture: A Survey, From Alexander to Maximinus Daza. In R. Stupperich (ed.), *Münstersche Beiträge zur Archäologie* 9. Münster, 137–51.
- Pollitt, J.J. 1986: *Art in the Hellenistic Age*. Cambridge.
- Price, M.J. 1991: *The Coinage in Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus*.
- von Reden, S. 2007: *Money in Ptolemaic Egypt, from the Macedonian Conquest to the End of the Third Century BC*. Cambridge.
- Reinach, T. 1895: *Mithradates Eupator, König von Pontos*. Leipzig.
- Robertson, M. 1981: *A Shorter History of Greek Art*. Cambridge–New York.
- Schubart, W. 1937: *Die religiöse Haltung des frühen Hellenismus*. München.
- Schwarzenberg, E. 1976: The Portraiture of Alexander. In E. Badian (ed.), *Alexandre le Grand: Image et réalité*. Geneva, 223–278.
- Seltman, C. 1933: *Greek coins*. London.
- Smith, R.R.R. 1991: *Hellenistic Sculpture*. London.
- Smith, R.R.R. 1988: *Hellenistic Royal Portraits*. Oxford.
- Stewart, A.F. 1993: *Faces of Power: Alexander's Image and Hellenistic Politics*. Berkeley–Los Angeles.
- Steward, A. 2014: *Art in the Hellenistic World: An Introduction*. Cambridge.
- Thompson, M. The Coinage of Philip II and Alexander III. In: *Studies in History of Art* 10, 113–122.
- Thonemann, P. 2016: *The Hellenistic world: using coins as courses*. Cambridge.

REFERENCES

- Abramzon, M.G. 1995: *Monety kak sredstvo propagandy ofitsial'noy politiki Rimskoy imperii* [Coins as a means of propaganda of the official policy of the Roman Empire]. Moscow.

- Badian, E. 1996: Alexander the Great between Two Thrones and Heaven: Variations on an Old Theme. In *Subject and Ruler: The Cult of Ruling Power in Classical Antiquity (Journal of Roman Archaeology Supplementary Series 17)*, 11–26.
- Baybakov, E.I. 1914: *Proiskhozhdenie ellinisticheskogo kul'ta tsarey* [The origin of the Hellenistic cult of the kings]. Kharkov.
- Beetham, D. 1991: *The Legitimation of Power*. London.
- Bellinger, A.R. 1963: *Essays on the Coinage of Alexander the Great*. New York.
- Bieber, M. The Portraits of Alexander the Great. In *Proceedings of the American Philosophical Society* 93, 5, 373–421, 423–427.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake, Indiana.
- Burcu Erciyas, D. 2006: *Wealth, Aristocracy and Royal Propaganda under the Hellenistic Kingdom of the Mithridatids in the Central Black Sea Region of Turkey* 12. Leiden–Boston.
- Cahn, H. 1949: *Frühhellenistische Münzkunst*. Basel.
- Davis, N., Kraay, C.M. 1973: *The Hellenistic kingdoms: portrait coins and history*. London.
- Göbl, R. 1978: *Antike Numismatik*. Munich.
- Hölscher, T. 1971: *Ideal und Wirklichkeit in den Bildnissen Alexanders des Großen*. Heidelberg.
- Imhoof-Blumer, F. 1885: *Porträtköpfe auf antiken Münzen hellenischer und hellenisierter Völker*. Leipzig.
- Khaniotis, A. 2005: Teatral'nost' vne teatra. "Postanovka" obshchestvennoy zhizni v ellinisticheskoy mire [Theatricality beyond the theater. Staging public life in the Hellenistic world]. *Antiquitas aeterna* 1, 155–190.
- Kholod, M.M. 2016: Obozhestvlenie Aleksandra Velikogo v grecheskikh gorodakh Maloy Azii. In S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), *"Bogi sredi lyudey": Kul't pravitelej v ellinisticheskoy, postellinisticheskoy i rimskoy mire* ["Gods among men": the cult of rulers in the Hellenistic, Posthellenistic and Roman worlds]. Moscow-Saint-Petersburg, 230–264.
- Klimov, O.Yu. 2010: *Pergamskoye tsarstvo: Problemy politicheskoy istorii i gosudarstvennogo ustroystva* [Pergamon Kingdom: problems of political history and state structure]. Saint Petersburg.
- Kroll, J.H. The Emergence of Ruler Portraiture on Early Hellenistic Coins: The Importance of Being Divine. In P. Schultz, R. von den Hoff (eds.), *Early Hellenistic Portraiture: Image, Style, Context*. Cambridge, 113–122.
- Ladynin, I.A. 2001: Prizhiznennyy tsarskiy kul't Aleksandra Velikogo: k probleme sootnosheniya egipetskikh i grecheskikh komponentov [The lifetime of the royal cult of Alexander the Great: on the problem of the ratio of Egyptian and Greek components]. In *Drevniy Vostok: Obshchnost' i svoeobrazie kul'turnykh traditsiy* [Ancient East: Commonality and Uniqueness of Cultural Traditions]. Moscow, 200–225.
- Le Rider, G. 1993: Les deux monnaies macédoniennes des années 323–294/290. In *Bulletin de correspondance hellénique* 117, 491–500.
- Le Rider, G. 2007: *Alexander the Great: Coinage, Finances, and Policy*. Philadelphia.
- Lorber, C.C. 2005: A revised chronology for the coinage of Ptolemy I. *Numismatic Chronicle* 165, 45–64.
- Lorber, C.C. 2012: The coinage of the Ptolemies. In W.E. Metcalf (ed.), *The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage*. Oxford, 211–234.
- Mørholm, O. 1991: *Early Hellenistic Coinage. From the accession of Alexander to the peace of Apamea (336–188 B.C.)*. Cambridge.
- Nefedov, K.Yu. 2009: Kul't praviteleya i koronatsiya diadokhov [Ruler cult and the coronation of diadochi]. In A.V. Makhlayuk (ed.), *Iz istorii antichnogo obshchestva* [The history of ancient society] 12, 92–123.

- Nefedov, K.Yu. 2014: Kul't pravatelya i tsarskaya vlast' v epokhu ellinizma [Ruler cult and kingship in the Hellenistic age]. In A.V. Podosinov, O.L. Gabelko (eds.), *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2012 god: Problemy ellinizma i obrazovaniya Bosporskogo tsarstva* [The Most Ancient States of Eastern Europe. 2012: Problems of Hellenism and the Formation of the Bosphorus Kingdom]. Moscow, 239–257.
- Nilsson, M.P. 1961: *Geschichte der griechischen Religion*. Bd. 2. *Die hellenistische und römische Zeit*. München.
- Palagia, O. 1986: Imitation of Herakles in Ruler Portraiture: A Survey, From Alexander to Maximinus Daza. In R. Stupperich (ed.), *Münstersche Beiträge zur Archäologie* 9. Münster, 137–51.
- Pollitt, J.J. 1986: *Art in the Hellenistic Age*. Cambridge.
- Price, M.J. 1991: *The Coinage in Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus*.
- Reden, S., von, 2007: *Money in Ptolemaic Egypt, from the Macedonian Conquest to the End of the Third Century BC*. Cambridge.
- Reinach, T. 1895: *Mithradates Eupator, König von Pontos*. Leipzig.
- Robertson, M. 1981: *A Shorter History of Greek Art*. Cambridge–New York.
- Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea]. Moscow.
- Saprykin, S.Yu. 2009: *Religiya i kul'ty Ponta ellinisticheskogo i rimskogo vremeni* [Religion and cults of Pontus Hellenistic and Roman times]. Moscow–Tula.
- Saprykin, S.Yu. 2016: Kul't carya i tsarskie kul'ty v Ponte i na Bospore [Cult of the king and royal cults in Pontus and the Bosphorus]. In S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), *“Bogi sredi lyudey”: Kul't praviteley v ellinisticheskoy, postellinisticheskoy i rimskoy mire* [“Gods among people”: the cult of rulers in the Hellenistic, Posthellenistic and Roman worlds]. Moscow–Saint Petersburg, 380–450.
- Saprykin, S.Yu. 2016: Monety tipa “Artemida/olen” bosporskogo chekana mitridatovskogo vremeni [Bosporan coins with Artemis/stag type of the Mithridatic period]. *Problemy istorii, fiologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 249–265.
- Saprykin, S.Yu. 2017: Ellinizm v Prichernomor'e [Hellenism in the Black Sea littoral]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan studies] 35, 126–167.
- Saprykin, S.Yu. 2019: Mitridat Pergamskiy – izvestnyy i neizvestnyy pravitel' [Mithradates of Pergamum – a known and unknown ruler]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 280–306.
- Schubart, W. 1937: *Die religiöse Haltung des frühen Hellenismus*. München.
- Schwarzenberg, E. 1976: The Portraiture of Alexander. In E. Badian (ed.), *Alexandre le Grand: Image et réalité*. Geneva, 223–278.
- Seltman, C. 1933: *Greek coins*. London.
- Shifman, I.Sh. 1988: *Aleksandr Makedonskiy* [Alexander the Great]. Leningrad.
- Shofman, A.S. 1976: *Vostochnaya politika Aleksandra Makedonskogo* [Eastern policy of Alexander the Great]. Kazan.
- Smith, R.R.R. 1988: *Hellenistic Royal Portraits*. Oxford.
- Smith, R.R.R. 1991: *Hellenistic Sculpture*. London.
- Steward, A. 2014: *Art in the Hellenistic World: An Introduction*. Cambridge.
- Stewart, A.F. 1993: *Faces of Power: Alexander's Image and Hellenistic Politics*. Berkeley–Los Angeles.
- Tarn, V. 1949: *Ellinisticheskaya tsivilizatsiya* [Hellenistic civilization]. Moscow.
- Thompson, M. The Coinage of Philip II and Alexander III. In: *Studies in History of Art* 10, 113–122.
- Thonemann, P. 2016: *The Hellenistic world: using coins as courses*. Cambridge.

- Trofimova, A.A. 2012: *Imitatio Alexandri: Portrety Aleksandra Makedonskogo i mifologicheskie obrazy v iskusstve epokhi ellinizma* [*Imitatio Alexandri in Hellenistic Art Portraits of Alexander the Great and Mythological Images*]. Saint Petersburg.
- Zhuravlyova, N.V. 2009: *Tsarskiy kul't v gosudarstve Selevkidov (ot Selevka do Antioha III)* [*The royal cult in the Seleucid state (from Seleucus to Antiochus III)*]: PhD. Moscow.

ROYAL CULT IN THE PREHELLENISM AND HELLENISM
(COINS OF ALEXANDER THE GREAT AND THE DIADOCHI)

Anastasia S. Cherkasova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: anastasiia_cherkasova95@mail.ru

The article observes the representation of the cult of the king by the coins of a number of rulers of the pre-Hellenism and Hellenism. The coin becomes one of the main means of propaganda of the royal cult after Alexander the Great, who created a new coin type, which was widely used in the subsequent time in coin typology, based on traditional motifs in the coinage of Amyntas III, Perdiccas III, and Philip II. While at the time of Alexander there was a religious ban on the lifetime image of the ruler on coins, then the Diadochi finally overcame it, expanding the practice of the Persian satraps and Lycian dynasts. The image of Alexander the Great became associated with the portrait of the king ruling at that time. Alexander was immortalized by the Hellenistic rulers, and his images became even more widespread than during his lifetime. The Diadochi turned the coin into a vivid means of promoting the cult of the ruler as a charismatic personality and glorifying his political and military achievements. The fusion of the image of the reigning ruler with Zeus, Hercules and other heroes and deities, accompanied by depictions of the attributes of deities, became widespread in the coinage of the Diadochi, who initially used the revered image of Alexander to legitimize the continuity of their power and emphasize its divine character. Gradually, the Hellenistic rulers replaced the image of Alexander on the coins with their own, while maintaining a common iconography. However, subsequently the idealized style of the portrait of the ruler on the coins replaced the realistic style, which made the propaganda of the cult of the king and his successes even more effective.

Keywords: Pre-Hellenism, Hellenism, coinage, royal cult, coins, Alexander the Great, Diadochi.
